

Евгений Меркулов

ЖЕМЧУГА И САМОЦВЕТЫ

Избранные стихи и песни. Том 1

Евгений Меркулов
Жемчуга и самоцветы.
Избранные стихи и песни. Том 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42757215
ISBN 9785449694898*

Аннотация

В первый том сборника «Жемчуга и самоцветы» (Избранные песни и стихи) включены избранные тексты о любви, о природе, о путешествиях, а также стихи по гражданской тематике и размышления о жизни. На многие тексты уже написаны песни, которые можно послушать на моём сайте. Приятного прочтения. Автор

Содержание

СОБИРАЮ МОЛОДОСТЬ	8
МЕРА СЧЁТА	9
Ау, семидесятые!	9
Венок сонетов	11
Восьмая группа	21
Время	23
Господь выбирает лучших	26
Деды и внуки	27
Днюха	28
Друзьям	30
Душа	33
Жизнь	35
Игра	37
Канатоходцы	39
Листья	41
Медвежонок	43
Мера счёта	45
Мой выбор	47
О старости	49
Первый день	51
Перемены	53
Песни нашего двора	55
Песня крокодила Геннадия	58

Предъюбилейное	59
Про жизнь	61
Проходят годы...	62
Ровеснику	63
Рубиновая свадьба	64
Скучно!	65
Следующий – ты...	68
Ты уже не придешь...	69
Я остаюсь...	70
БЕСКОНЕЧНО ЛЮБИМАЯ РУСЬ	72
А ведь раньше он звался «брат»	72
Ариэль (1555 г.)	74
Атака «мертвецов»	77
Бесконечно любимая Русь	79
Военкор	81
Вопросы	84
Генерал Д. М. Карбышев	86
Домой, обратно!	89
Дорога в никуда	91
Идите с миром!	92
Караван	94
Мария Гамильтон	96
На пороге третьей мировой	99
Не хватало...	102
Нищий	103
Обращение Президента	107

Отрывок из письма брянскому другу	110
Палитра	112
Песни 60-х	113
Почему всё не так?	114
Проклятие Марины	116
Равнение на подвиг	118
Раздружье	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Жемчуга и самоцветы Избранные стихи и песни. Том 1

Евгений Меркулов

© Евгений Меркулов, 2019

ISBN 978-5-4496-9489-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-9490-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В первый том сборника «Жемчуга и самоцветы» (Избранные песни и стихи) включены избранные тексты о любви, о природе, о путешествиях, а также стихи по гражданской

тематике и размышления о жизни. Хочу предупредить читателя, что в большинстве текстов не стоит отождествлять автора с лирическим героем. Это – только маска. Как я сказал в одном из давних стихотворений:

*«Да, я – актер, я – лицедей!
И для себя спектакль играю.
Вот я – влюбленный, вот – злодей...
В стихах живу и умираю.*

*Но в блеске страстного огня
Проходит юмор нитью красной.
И настоящего меня,
Признаюсь, там искать напрасно».*

На многие тексты уже написаны песни, которые можно послушать на моём сайте.

Приятного прочтения!

Автор

СОБИРАЮ МОЛОДОСТЬ

Раскатились мои годы, словно по полу горох,
Затаились по векам да по эпохам.
Я просеиваю в мыслях пыль исхоженных дорог
И собрать пытаюсь молодость по крохам.

Иногда в воспоминаньях среди серой шелухи
Я встречаю жемчуга и самоцветы.
Драгоценные находки прячу бережно в стихи,
Заворачиваю в песни и сонеты.

МЕРА СЧЁТА

Ау, семидесятые!

Ау, семидесятые!
Откликнитесь, сокурсники!
Куда же вы попрятались,
Родного вуза узники?

Как лодочки бумажные
Ушли в просторы вечные
И юность бесшабашная,
И молодость беспечная.

Сгорели синим пламенем
Дипломы с рефератами,
Зато остались в памяти
Дурачества с ребятами.

С приятелями вечером
В портвейновом подпитии
Искать ходили встречи мы
К девичьим общежитиям.

Пусть двери под запорами,

Но виделись нам женщины
Там, где окошки шторами
Неплотно занавешены.

В тот рай запретный вхожие
Впускались лишь счастливики,
А нам глазеть на лоджии,
Где трусики да лифчики.

Друг перед другом хвастали
Победами-секретами,
Как в кинофильмах гангстеры,
Дымили сигаретами.

Магнитофон «Романтика»
С «буржуйскими» кассетами...
Носили, помню, батники
И брюки-клёш с манжетами.

Акценты время ставило:
– Вы – типа пехт? Пожалуйста!
У вас другие правила,
Другие шкоды-шалости.

Жить новым поколениям,
А мы мертвы, как статуи.
Но я кричу в безвременье:
«Ау, семидесятые!»

Венок сонетов

I

Воспоминанья спать мне не дают,
Кружатся надо мною, словно птицы,
Садятся на закрытые ресницы,
О прожитом настойчиво поют.

Я повторяю пройденный маршрут.
Когда ночами долгими не спится,
В тиши листаю памяти страницы,
Закладки оставляя там и тут.

Когда метель бушует за стеклом,
Я согреваюсь внутренним теплом,
Как будто вновь повеяло весною.

И отблески давно минувших дней —
Следы далёкой юности моей,
Едва глаза закрою, предо мною.

II

Едва глаза закрою, предо мною
Как будто в кадрах старого кино
Проходит всё, что было так давно,
Окутывая ласковой волною.

Я знаю, многим кажется порою,
Что прошлое наивно и смешно.
А для меня здесь главное одно —
В нём мы когда-то встретились с тобою.

Давно у фильма знаю я сюжет,
Но вновь смотрю уже с вершины лет,
Как радости сменяются бедою,

А вслед беде надежды оживут...
И образы знакомые плывут
Неспешной, бесконечной чередою.

III

Неспешной, бесконечной чередою
Плывут воспоминаний облака —
То мальчик в бескозырке моряка,
То взрослый с шевелюрою седою.

Ребёнок рядом с мамой молодою,
Увидевши отца издалека,
Бежит к нему вприпрыжку с бугорка,
Поросшего зелёной лебедою.

А здесь уже подростком угловатым
Спешу к моим товарищам-ребятам
В беседку, наш излюбленный приют,

Где пели под гитару мы часами.

И с песнями тех лет перед глазами
Отрывки из минувшего встают.

IV

Отрывки из минувшего встают,
Точнее не встают, а расцветают,
Искрятся, всеми красками играют,
А после в небе тают как салют.

Они о быт разбиться не дают,
От повседневной скуки отвлекают,
Как будто надо мною раскрывают
Спасительный, надёжный парашют.

Картинка детства: мыльной водою
Я чёрные глаза усердно мою,
Иначе, мол, цыгане украдут.

А вот уже склоняюсь над партой низко,
Пишу любимой девочке записку...
Калейдоскоп событий, дней, минут.

V

Калейдоскоп событий, дней, минут...
Здесь всё смешалось – счастье и несчастье.
В моём кино кипят такие страсти,
Куда там знаменитый Голливуд!

Вот я спокоен словно старый пруд.

А здесь уже у ревности во власти,
И сердце разрывается на части,
Задетое предательством иуд.

Я помню – лето, озеро, луна,
Лежу в траве, а рядышком она
К плечу прижалась нежною щекою.

Она ушла, но часто в полусне
Опять приходит вечером ко мне
И в тишине полночного покоя.

VI

И в тишине полночного покоя,
И в суматохе солнечного дня
Не отпускает прошлое меня,
Удерживает цепкою рукою.

Сейчас твердят о времени «застоя»,
Что люди жили вяло, без огня,
Что жизнь была не жизнь, а западня.
Но всё это, поверьте мне – пустое.

Коль молодость пришлась на те года,
То что вам до застоя, господа?
И для меня то время – золотое!

И я готов поднять бокал вина
И залпом осушить его до дна,

Забыв о настоящем, за былое!

VII

Забыв о настоящем, за былое
Как старый, умудрённый аксакал
Я первым поднимаю мой бокал
С молдавскою янтарной марсалою.

Кто много лет оставил за спиною,
Кто в этой жизни что-то повидал,
Поддержит тост, что я сейчас сказал,
И выпьет за компанию со мною.

Да, было всё: хорошее, плохое...
Но мне не нужно мнение чужое,
Одни – казнят, другие – вознесут.

И за мои грехи, пока не поздно,
Я, в памяти копаясь скрупулёзно,
Сам для себя устраиваю суд

VIII

Сам для себя устраиваю суд,
И все мои прошедшие деянья
Оцениваю с пристальным вниманьем,
Взвалив на плечи этот тяжкий труд.

Ах, как они, порой, меня гнетут —
Допросы, приговоры, оправданья...

Но знаю – не уйти от покаянья,
Не сбросить этот внутренний хомут.

Ни публики, ни прессы, ни присяжных.
По правде говоря, не так и важно,
Какая будет выбрана статья.

Мне в кодексе копать нет резона,
По совести сужу, не по закону.
Ответчик, адвокат, истец, судья.

IX

Ответчик, адвокат, истец, судья...
И все в одном лице, помилуй, Боже!
Вот кресло подо мною вместо ложа,
А вот уже и жёсткая скамья.

Скрываюсь днём за ширмой бытия,
Но по ночам всегда одно и то же:
Опять допрос, опять мороз по коже,
Опять под микроскопом жизнь моя.

Я помню, как обидел больно друга,
Медвежью оказав ему услугу,
И с той поры мы больше не друзья.

Забуть бы о былом, как говорится,
Но от себя не спрятаться, не скрыться.
На месте прокурора буду я.

Х

На месте прокурора буду я,
Бесстрастный, неподкупный, беспощадный.
И самому мне станет неповадно
Оправдываться с помощью вранья.

Здесь бесполезны слёзы в три ручья,
Лишь правда, как она ни безотраднa.
А так бывает трудно и досадно
Копаться в старом ворохе белья.

Иной заметит: «Что за ерунда?
Солгал? Слукавил? Экая беда!
Подумаешь, какие преступленья!»

Но всё-таки, что там ни говори,
Я знаю то, что жжёт меня внутри.
Единственный свидетель обвиненья.

ХІ

Единственный свидетель обвиненья,
Я помню, перед кем я виноват,
Кого обидел много лет назад,
Не попросив впоследствии прощенья.

Грехи свои считать – одно мученье,
Но думать тяжелее во сто крат
О том, кто был сначала мне как брат,

А после предавал без сожаленья.

Я долго размышлял не без причины
И знаю, где – лицо, а где – личина,
Кто – друг мне настоящий, кто мне – враг.

Но много тайн осталось за плечами,
Поэтому бессонными ночами
Тревожу лет прошедших саркофаг.

ХII

Тревожу лет прошедших саркофаг.
Вы спросите: «Зачем тебе всё это?»,
И я не дам логичного ответа.
Непросто объясниться в двух словах,

Как иногда накатывает страх
И не даёт уснуть мне до рассвета,
Что на меня обижен кто-то где-то,
И перед кем-то я ещё в долгах.

Покорный зову совести-Фемиды —
«Отдать долги и искупить обиды!»,
Я собираю свой ареопаг.

И в мыслях прохожу всю жизнь упрямо,
И, взвешивая с точностью до грамма,
Оцениваю честно каждый шаг.

XIII

Оцениваю честно каждый шаг.
К чему хитрить перед самим собою?
Иду вперёд проверенной тропюю
И обхожу обманчивый зигзаг.

Мне жалко тех безумных бедолаг,
Что спорить вознамерились с судьбою.
Я был таким. Теперь сдаюсь без боя
И сразу поднимаю белый флаг.

Как ни старайся скрыть свои грехи
За ворохом словесной шелухи,
Всё выплывет наружу без сомненья.

Поэтому ночами, не спеша,
Я режу по живому без ножа,
Вытаскивая время из забвенья.

XIV

Вытаскивая время из забвенья,
Распутываю памяти клубок.
Лечу как оторвавшийся листок
По ветру в неизвестном направлении.

Открытия, находки и прозренья,
А за витком ещё один виток.
Меня уносит бешеный поток,
И не найти от этого спасенья.

Добился в этой жизни я чего-то.
Всё вроде есть – квартира и работа,
Прекрасная семья, покой, уют.

Друзей полно, коллеги уважают.
Одно лишь... только вечер наступает,
Воспоминанья спать мне не дают.

Акромагистрал

Воспоминанья спать мне не дают.
Едва глаза закрою, предо мною
Неспешной, бесконечной чередою
Отрывки из минувшего встают.

Калейдоскоп событий, дней, минут...
И в тишине полночного покоя,
Забыв о настоящем, за былое
Сам для себя устраиваю суд.

Ответчик, адвокат, истец, судья,
На месте прокурора буду я,
Единственный свидетель обвиненья.

Тревожу лет прошедших саркофаг,
Оцениваю честно каждый шаг,
Вытаскивая время из забвенья.

Восьмая группа

Восьмая группа – ангелы и черти!
За нашу дружбу об пол бью челом.
И лучше нет события, поверьте,
Чем с вами сесть за праздничным столом.

Восьмая группа. Блин! Почти полвека
Связует нас невидимая нить.
Мне не понять, как можно человека
С другим вот так легко соединить?

Восьмая группа. Бьёмся врукопашку,
И колея у каждого своя,
Но, увидав знакомую отмашку,
На встречу вновь слетаются друзья.

Восьмая группа. Пусть и небольшую
Открою тайну – всем нам повезло,
Ведь цифра восемь даже по "фэн-шую" —
Весьма-весьма счастливое число.

Восьмая группа, прочь полвека сбросим,
И первый день, он памятен нам всем,
Как мы, команда "Вэ-один-ноль-восемь",
Постичь пыталась тайны эРэмЭМ.

Восьмая группа, с вами хоть в разведку,
Хоть рыбкой в море, птицей в облака.
Лишь кину в рот «сердечную» таблетку,
Да подтяну постромки рюкзака

Восьмая группа, я листаю фотки,
Со щёк стирая мутную слезу.
Назначьте день грядущей нашей сходимки —
На четвереньках к месту приползу.

Время

Ох ты время, бедовое времечко,
Время встреч, отмечаний и проводов.
Ерофеев бы жил ноне Венечка,
То-то было б для выпивки поводов.

Вот же сдали проект раньше времени,
А не сдали, так акт подписали-на.
И тревожить не надобно Ленина,
Нам достаточно памяти Сталина.

Рапортуем, мол всё выше уровня,
Европейцев, мол где-то вертели мы.
Принимай, темнота некультурная!
Ой, Володя, ушёл ты до времени.

Вот бы вдарил стихами да песнями,
Показал бы, что есть на поверхности.
Но зажали тебя, не воскреснул бы,
И гранитом прижали для верности.

А вчера были выборы, вот ещё.
Ты пойдя, разберись, кто чей протеже?
Ой, стыдоба, ребята, стыдобища.
А с другой стороны, не майданить же.

Справа-слева подпёрли – не вырваться,
Конкуренты-то сплошь криминальные.
Ходорковско-тюремные выбросы,
Ну а вишенка к торту – навальные.

Тяжело нам бодаться без Чуркина,
Фронт ЕэСа на нас растопырился.
Но надежда есть – дети и внуки-на
С европейцами снова помирятся.

Кто не дурень, поймёт, что Америка
Далеко, и до нас нету дела ей.
А «Калибры» что с моря, что с берега,
Долбанут (офицеры умелые).

Показать им в окно «выкусь-накося»
И отставить дурные сравнения.
Со своими б делами управиться,
А потом на соседей равнение.

Коль корабль отстаёт по позициям,
Нужно шмон начинать с верхней палубы.
Ой, хотелось бы, чтобы полиция
Кой-кого до костей пощипала бы.

Нам цветных революций не надобно.
Кто не верит, проверьте, пожалуйста.
ВДВ завернёт вашу радугу
И не только второго-на августа.

Господь выбирает лучших

Ты сейчас несомненно рядом
С тем, кем призван в святую рать.
А иначе зачем же надо
Так безвременно умирать?

Кто-то скажет – несчастный случай,
Кто-то скажет, что жребий лих,
Но Господь выбирает лучших,
Значит место твоё средь них.

Забирает к себе до срока
Тех, кто более всех готов,
Чтоб на небо уйти высоко,
Где сияет Чертог Христов.

Завершились для вас мученья,
Чаша досуха испита.
Там даруется вам Прощенье,
И откроются в Рай врата.

Уплывают родные лица,
Слёзы светлые льют из глаз...
Мы здесь будем за вас молиться
И пожизненно помнить вас.

Деды и внуки

Должен светлым быть дед, чтобы в жизни потомки
Целью выбрали свет, а не мглу и потёмки.
Нам ли, брат, горевать, что же станется с нами?
Внуки есть, чтоб поднять, подхватить наше знамя!

Провести корабли, не нарвавшись на рифы,
Там, где мы не смогли, выбрать нужные рифмы.
В круговерти стихий вкус победы изведав,
Ярко вспыхнут стихи под фамилией дедов.

Днюха

Смотрю, как тот Иа,
На свой портрет в воде,
Но Пятачка-то нет
И нету Винни-Пуха.
А мудрая Сова
Сидит в своём гнезде,
Не шлёт мне хвост-привет,
Не поздравляет с днюхой.

Ловлю печальный взгляд
Из зеркала пруда,
Его мне из глубин
Приносит отраженье.
Во так же год назад
Я приходил сюда,
Стоял совсем один
В день своего рожденья.

Жужжанье комаров
Заменит шум гостей,
А праздничный обед —
Кусты чертополоха.
«Дружище, будь здоров!
Прекрасный юбилей!» —
Я шлю себе привет,

И это очень плохо.

А может я не прав,
И это – хорошо?
Ведь год очередной —
Не праздник, в самом деле.
Промчался он стремглав
Иль медленно прошёл,
Но мы-то всё равно
В итоге постарели...

Обидно до соплей,
И подленькая грусть
Кусает, как змея,
Шипит противно в ухо.
Конечно, юбилей —
Не праздник, ну и пусть.
Досадно, что друзья
Не вспомнили про днюху.

Друзьям

Летит за годом год,
Неслышно, без «Ура!»,
И шлют привет друзья
Со старенького фото...
Привычно память врёт,
Мол, было всё вчера,
Но сроки знаю я,
И грустно отчего-то.

Ах, тот последний курс,
Дипломная пора.
Солидный юбилей
Отметить можно снимку.
Мы, покидая вуз,
У статуи Петра,
На фоне кораблей
Все сфоткались в обнимку.

Припев:

Старые друзья, вы мне нужны, как прежде,
Выбран путь, назад не повернуть.
Но в душе местечко есть надежде
Вас собрать когда-нибудь.

Я помню добрый смех,

Лучистый, светлый взгляд.
Птенцы стремились ввысь,
Открыты всюду двери.
Я обнимал вас всех...
Два дня тому назад?
Да нет, промчалась жизнь,
И верю, и не верю.

Закон судьбы суров,
И неуместен торг,
Андрюха и Марат
Давно умчали в штаты.
А Лёнька Иванов,
Бессменный наш профорг,
Уже ушёл туда,
Откуда нет возврата.

Припев

Не сбросить с плеч года
Уж некоторых нет,
Но те, кто ныне жив,
Давайте собираться.
Пускай, хоть иногда,
Хоть раз за десять лет.
Вниманье в объектив,
Улыбка шире, братцы!

Припев

Душа

Моей душе так хочется тепла,
Она полна, как в юности, любовью.
Но кто-то приглушил колокола
С оглядкой на возраст и здоровье.
Какая там любовь ещё морковь?
Коль шестьдесят, пора упасть в осадок.
Поставь на чувствах крест, не прекословь.
Запомни, вкус овсянки тоже сладок.

В моей душе безумствует бунтарь,
Он рвётся в бой, а бой проходит мимо.
И кто-то пригасил уже фонарь,
По правилам постельного режима.
Какие авантюры, чёрт возьми!?
Коль шестьдесят, пора упасть в осадок.
Таблетку от давления прими.
Запомни, вкус овсянки тоже сладок.

Моя душа сражается с зимой
И ждёт весну, не глядя на запреты.
Но кто-то ей кричит: «Пора домой!
Все песни о весне тобою спеты».
Не стоит брать примеры с примадонн,
Коль шестьдесят, пора упасть в осадок.
Да, молодость прекрасна, но пардон,

Запомни, вкус овсянки тоже сладок.

И кто-то убеждает: «Не пиши!
Оставь стихи и песни молодёжи».
Но силы есть ещё, чтоб от души
Ему ответить кулаком по роже.
Да, шестьдесят, но я ещё, как штык!
Готов и к зову муз, и к зову плоти.
Гитара, пиво, женщины, шашлык...
Овсянка впрочем тоже, я не против.

Жизнь

Промчалась жизнь экспресс-составом,
Как будто *не* жил.
Лишь седины искрится саван
Ледово-снежный.

Считать года – так жил немало,
А что осталось?
Вагон болячек, что к финалу
Нам дарит старость.

Бывало, вкалывал до пота
И... не бывало.
Но ни чинов не заработал,
Ни капитала.

Особняка нет на Рублёвке,
Шато в Тулузе,
Зато квартира есть в «хрущёвке»,
Совместный узел.

Шесть соток – дача в Подмосковье
На речке Рузе.
Вот так-то, смейтесь на здоровье —
Пред вами лузер.

А впрочем, нет! Поставим крестик
И в дебет тоже.
С женой полвека жили вместе!
Другим – дай Боже.

А дети-внуки! Это, братцы,
Не плюс – плюсище!
Он разных минусов дурацких
Заменит тыщи.

Да, было в жизни всяко-разно...
Добро и худо.
Но костерить её напрасно
Пока не буду.

Игра

По обратному склону горы
Под угрозой схода лавины,
Осторожно спускаюсь с вершины,
Приближаясь к финалу игры.

А хотелось бы вновь к вышине,
Забираться, но правила строги:
И привал запрещён на дороге,
А возврат невозможен вдвойне.

Вот, опять опустился на год,
Ничего уже тут не попишешь...
И чем ниже, тем скорости выше.
Снова правило – «Время, вперёд!»

Мой романтик в начале пути
Стал прагматиком вдруг в миттельшпиле.
Дай мне, Боже, последние мили
Марзматикум вниз не сойти.

Альпинисты не зря говорят —
Спуск бывает подъёма опасней,
Да и силы всё меньше в запасе,
Но нельзя повернуться назад.

Зубы стиснув покрепче, держись!
Никому не положены скидки,
Нужно делать всё с первой попытки,
Призовую не выпросишь жизнь.

Кто бы в эту игру ни играл,
Помесь экшена, гонки и квеста,
Не дойдёт до победного места,
В ней всегда неизбежный финал.

Не считите, прошу, за клише,
Но хочу, когда грянет «Game over!»,
Чтоб меня мои внуки при слове
Вспоминали с улыбкой в душе.

Канатоходцы

По тоненькому лезвию ножа,
По жёрдочке, по ниточке, по краю,
Любовь, как балансир, в руках держа,
Над жизненную пропасть шагаю.

Всего один неосторожный шаг
И безвозвратно вниз могу упасть я.
Ступаю аккуратно, чуть дыша,
Надеясь на сноровку и на счастье.

Качается натянутая нить,
И манит пропасть искусами фальши.
Тут главное – любовь не уронить,
Ведь без неё идти нет смысла дальше.

Пусть в пятки обрывается душа,
Пусть нитка больно испарывает кожу,
Любовь несу в руках, как малыша,
Она в пути не раз ещё поможет.

А рядом тоже острые края
И нити, словно струны мегалиры,
По ним идут враги, идут друзья,
Сжимая крепко чувства-балансиры.

Здесь можно встретить ненависть и месть,
Любовь, тоску, надежду и тревогу.
Один вцепился крепко в шест-протест,
Другой с собою зависть взял в дорогу.

Вот где-то – слышу – колокол звонит.
По ком? Не знаю, видно у кого-то
Исчерпан данный времени лимит,
И отзвучала кодовая нота.

Нам ножницы судьбы не обмануть,
В урочный час обрежут нити людям.
И отправляясь в свой последний путь,
Нести в руках какое чувство будем?

Листья

Уходят вдаль не встреченные встречи.
Казалось, нет у времени лимита,
А жизнь уже склоняется под вечер,
Давно скатилось солнце из зенита.

Приклеить не удастся вновь обратно
Календаря оборванные листья,
И с возрастом всё более досадна
Неспешная обманчивость их лисья.

Вот лист очередной сорвало ветром...
Пустьяк, ведь их ещё остались тыщи.
На деле с ним исчезла незаметно
Возможность, что впоследствии не сыщешь.

Чем дальше, тем быстрее мчатся мимо,
Теряются упущенные шансы:
Не сказано ещё «люблю» любимым,
С долгами не уравнены авансы.

И детская надежда – «Нет предела
У срока, что нам спущен» тихо тает.
Вон, крона уж заметно поредела,
А листья облетают, облетают...

Один, как дельтаплан, кружится плавно,
Другой, сорвавшись, камнем бьётся оземь.
А лето ликовало так недавно...
Увы, в свои права вступила осень.

Медвежонок

Мишка коричневый в красной футболке,
Мордочка зверя, глаза человека.
Вытерта шёрстка на плюшевой холке.
Вот и тебе скоро стукнет полвека.

Что ж ты на полке сидишь одиноко?
Встань, отряхни свою шубку от пыли.
Помнишь, как раньше, в «прекрасном далёко»
Вместе играли и вместе шалили?

Не покемон неизвестной породы,
Мой медвежонок, российский «зверюга»
Был не игрушкой мне в детские годы,
А настоящим и преданным другом.

Время проходит, не зная возврата.
Маленький мальчик зовёт меня – папа.
И на прогулку, как сам я когда-то,
Тянет медведя за мягкую лапу.

А календарь всё листает страницы,
Вновь у игрушек период забвений.
Бедный Топтыгин на полке томится,
Ждёт терпеливо витка поколений.

Скоро у сына родится сынишка.
Значит, к нему перейдёт по наследству
Наш нестареющий плюшевый мишка,
Как эстафета семейного детства.

Мера счёта

Я помню детство: шалости и сладости,
И нежно-акварельная заря,
И день рожденья – праздник, что по радости
Сравним был с годовщиной Октября.

Ура! Подарки, гости, поздравленья!
И торт, и «каравайный» хоровод...
Но день прошёл, и новый день рожденья
Я снова ждал с надеждой целый год.

Промчалась юность шалая и зрелости
Пришла благословенная пора,
И изменила жизненные ценности,
«Сегодня» весит больше, чем «вчера».

Явилось мне однажды откровенье,
Что не понять вчерашнему юнцу:
Мы незаметно, с каждым днём рождения
Неотвратимо движемся к концу.

А год за годом тянется цепочкою,
Вращается небесный кабестан.
Ход не собьёт ни запятой, ни точкою
Ни человек, ни ангел, ни титан.

Мы с каждым днём становимся мудрее.
Хоть жмём на тормоз, но года летят.
И родственников микроюбилеи
Нам заменяют вехи личных дат.

Вот, наконец, и я дошёл до возраста,
С которого жизнь видится иной.
И оборот Земли в просторах космоса —
По сути лишь виток очередной.

Мне календарный срок не интересен,
И передайте тем, кто наверху —
Теперь свой счёт веду от песни к песне,
Теперь взрослею от стиха к стиху.

Мой выбор

Ну, что ж, теперь и я
Пришёл сюда, к последней двери.
И вам, мои друзья,
Скажу, во что я свято верю.

Весь мир я повидал,
За эту жизнь судьбе спасибо.
Но я, друзья, всегда
Сам делал выбор.

Жалеть? Да, есть о чём...
По мелочам бывали сбои.
Я шёл своим путём
И честен был перед собою.

Смирять своих коней,
Чтоб избежать в пути ошибок.
Но, что всего важней, —
Сам делал выбор.

Да, иногда случалось так,
Что попадал и я впросак,
Но напролом или в обход
Шёл все равно всегда вперёд
И каждый раз, не пряча глаз,

Сам делал выбор.

И я познал давно
Любовь и радость, и потери.
Как всё теперь смешно,
Когда стоишь у этой двери.

Смотрю назад – мой путь
Прямой, как стрелка, без изгибов.
Ведь я, чтоб не свернуть,
Сам делал выбор.

И человек, коль не глупец,
Всегда судьбы своей творец,
И отвечать обязан сам,
Чужим не веря голосам,
Как я, всю жизнь стремиться ввысь
И делать выбор.

Свой делать выбор.

О старости

Осознавать обидно и противно,
Хоть правила прописаны заранее:
В конце исчезнем безальтернативно,
Как старенькое судно в океане.
И силы есть ещё дойти до цели,
Порой нас не догонит молодой,
Но трюмы сквозь пробоины и щели
Всё больше наполняются водой.
Да, мы уже не дети. Известно нам, конечно,
Что в каждом сроке плюсы есть и радости,
Что жизнь на этом свете для всех, увы, конечна,
Но это плохо утешает в старости.

А старость подползает незаметно,
Вдруг вот она – критическая масса.
Вчера я был у жизни ВИП-клиентом,
А ныне – пассажир второго класса.
С побудкой раньше не было проблемы.
Вставал, едва очнувшись ото сна.
Теперь же изучаю непременно,
А что там скажут ноги и спина?
Прошу, не нужно лекций про спорт и физкультуру,
Здоровый образ жизни и питание.
Тут никуда не деться, спортивную фигуру
Ждут в старости всё те же испытания.

Пять лет назад был «годен», а сегодня
Болячка за болячку стучится
То память неожиданно подводит,
То сердце, то глаза, то поясница.
Запчасти для изношенного тела
Не сыщешь, покупай не покупай.
Но главное – пусть тело постарело,
В душе ты тот же юный шалопай.
Вот тоже взяли моду кивать на аксакалов,
Хоть возраст неподвластен долгожителям.
Таких бойцов с природой встречал я и немало,
Но старость выходила победителем.

Первый день

Под Новый Год, как повелось,
«За нашу жизнь!» – дежурный тост,
Бокалов звон, веселье, запах ели.
Но вот уйдёт последний гость,
Взгрустнём о том, что не сбылось,
И вспомним то, что сделать не успели.

Ах, как мы в юности круты!
Сжигали за собой мосты,
Как будто жизнью не одна, а девять.
Какие чувства и мечты
Погибли в пене суеты!
И ничего потом нельзя поделать.

За-ради призрачных идей
Мы подгоняли лошадей,
Направив бег от верного маршрута.
И часто явный прохиндей
Мог за собой увлечь людей,
Ведь человек доверчив почему-то.

Под шелест крыл календарей
С годами стали мы мудрей.
Теперь нас сбить с пути не так-то просто.
Не признаём поводырей,

Их гоним в шею из дверей.
Слетает прочь засохшая короста.

И тратить жизнь на дребедень
Нам жалко силы, да и лень.
В конце концов, мы – люди, а не слизни.
А людям свет милей, чем тень,
И мы встречаем каждый день
Как первый день остатка нашей жизни.

Перемены

Седьмой десяток, леди, джентльмены,
По жизни то шагаю, то бегу.
Хоть рано мне ещё сходить со сцены,
Но всё же кой-какие перемены
Я не отметить просто не могу.

По воскресеньям не встаю на лыжи
И вообще не лёгок на подъём.
Тягать гантели – опасуюсь грижи.
Пробежка утром? Братцы, я не рыжий,
Давайте на гимнастику забьём.

Почти ушёл шашлык из рациона,
Зубов во рту, увы, не тридцать два.
Кефир, овсянка, овощи, бульоны,
По праздникам бывают макароны.
Но снится аппетитная жратва.

Красотку и сейчас отмечу взглядом,
Особенно коль дело по весне,
Но вот догнать и топать с нею рядом,
Заигрывать, знакомиться – не надо,
Сегодня это дело не по мне.

Без криков, со спокойствием удава

Смотрю по телевизору футбол,
Ни тренера не знаю, ни состава,
И всё равно, кто слева там, кто справа,
И кто кому забил в итоге гол.

Я стал терпимей к обществу, но всё же
Натуру не испортили лета.
Порой не понимаю молодёжи,
И глядя на покрашенные рожи
Юнцов, плюю вослед им: «Срамота!»

Теперь я не придерживаюсь моды,
Мне пофиг установленный статут,
Наряд зависит больше от погоды.
А что хотите? Так диктуют годы.
А в остальном такой же шелопут.

Песни нашего двора

Услышав струн негромкий перебор,
Щемящие, волнующие звуки,
Я сразу вспоминаю старый двор,
Где сам когда-то взял гитару в руки.

Сто лет прошло, а будто бы вчера...
Как быстро это время пролетело!
Мы пели песни нашего двора,
Аккорды подбирая неумело.

*Из-за пары распущенных кос,
Что пленили своей красотой,
С оборванцем подрался матрос,
Подбиваемый шумной толпой.*

Зажму на черном грифе «ля-минор» —
«Блатной» аккорд. Я помню, как до боли
Стирал подушки пальцев, и с тех пор
На них остались твердые мозоли.

Знакомый бой сбивается слегка.
Непросто вспоминать его сначала.
Но вот пошла уверенней рука,
И старая «восьмерка» зазвучала.

*Мерно качаясь вдали,
Объят предрассветною мглой,
Караван Шапера Али-Али
Шагает в свой край родной.*

Мы пели о войне, о лагерях,
О драках воровских, кроваво-страшных,
О дальних и таинственных морях
И о любви девчонок бесшабашных.

Охрипших голосов неверный строй
По кругу мы портвейном поправляли,
И песни наши позднею порой
Уснуть соседям долго не давали.

*В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана.
В таверне веселились моряки
И пили за здоровье капитана.*

Мелодии наивны и просты,
И тексты далеки от идеала,
Но сколько в них народной чистоты,
Романтики, эмоций и накала!

Ах, эти песни старого двора!
Как жаль, что их не слышат наши внуки.
Поэтому в иные вечера
Я вновь беру свою гитару в руки.

*В белом платье с пояском
Я запомнил образ твой.
По обрыву босиком
Бегали мы с тобой.
Разве напрасной любовь была?
Разве напрасно луна плыла?
Разве с тобою встречались зря?
Нет, все забыть нельзя!*

Песня крокодила Геннадия

Вновь бегут неуклюже пешеходы по лужам,
Из окошка смотрю им вослед.
День рожденья, суббота, а мне грустно чего-то,
Ведь для радости повода нет.

День рожденья – шаг к Прощенью
Иль к мучениям в аду?
Слава Богу, их немного,
Только раз в году.

Забегит Чебурашка, чтобы выпить рюмашку,
И в подарок притащит фигню
Для него это – «днюха», торжество, развлекуха.
Молодой, я его не виню.

Дни рожденья, как ступени,
Вехи к Страшному Суду.
Слава Богу, их немного,
Только раз в году.

Предъюбилейное

Не подвластна скорость времени
Тормозу, стопору.
Годы мчатся с ускорением,
Тянут нас под гору.
Шёл по жизни я с песнями,
Но вот, скоро пенсия...
Близко дата юбилейная —
Шестьдесят.

По ночам, когда бессонница,
Вы, друзья, знаете,
Мыслей мчит лихая конница
По полям памяти.
За отметкой отметина,
И так полстолетия.
Появилась веха новая —
Шестьдесят.

Переход границы кажется
Призрачным мостиком.
Доведётся ли отпраздновать
Семьдесят с хвостиком,
Девяносто и далее?
Отвечу едва ли я,
Но пока что жить мне нравится

В шестьдесят.

Про жизнь

Живу, дышу, но разве это жизнь —
В вопросе каждый вечер хмурить брови:
А что назавтра курс рубля готовит?
Подохнем или выживем, кажись?

Со всех сторон на плечи тяжкий груз:
Коррупция, ЕС и Украина...
По ценам снизу вверх пошла лавина
И чую – будет выше, чем Эльбрус.

Чтоб как-то компенсировать удар,
Не дать кричать: «Спасите наши души!»,
В народ кидают кости, типа «Ксюша»,
«Васильева», «Земфира» и «Макар».

Эх, был бы я джигит, не аксакал,
Не думал бы о собственном здоровье,
Как Джимми Бонд, из родины с любовью
На ржавый болт все санкции послал!

Но правду отличаю ото лжи.
Родители, супруга, дети, внуки...
За них я в кулаки сжимаю руки.
А дальше что? Всевышний, подскажи!

Проходят годы...

Проходят годы, мы с тобой стареем...
Обидно, что чем дальше, тем скорее,
И свадьба отзвенела серебром.
И есть уже проблемы со здоровьем,
Но живо чувство, что зовут любовью,
А значит, мы не зря с тобой живём.
И, значит, мы не зря с тобой живём.

Всё видели на жизненной дороге,
Но рано подводить ещё итоги,
И дальше нам по ней идти вдвоём.
Пусть многое не так, как мы мечтали,
Зато какого сына воспитали!
И, значит, мы не зря с тобой живём.
И, значит, мы не зря с тобой живём.

Осталась половина за спиною
Из срока, что нам выделен судьбою.
Да стоит ли теперь грустить о нём?
Идём вперёд, друг другу помогая
И чувством нашим близких согревая,
И, значит, мы не зря с тобой живём.
И, значит, мы не зря с тобой живём.

Ровеснику

Опять, дружище, возраст шлёт привет,
Хотя в стихах мы мачо, а не клячи,
На деле всё немножечко иначе,
И молодиться, в общем, смысла нет.

Да, жизнь, что по линейке раньше шла,
Теперь петляет, словно по лекалу.
Опять вчера давление скакало,
«Мотор» шалит... Такие, брат, дела.

Пора смириться, что спина болит,
И, вопреки привычному укладу,
Нам, перед тем как встать с дивана, надо
Проверить, как «живёт» радикулит.

Но всё-таки не стоит вешать нос,
Ведь мы с тобой – упорные ребята,
Нас списывать со счёта рановато,
И лишний год на плечи – не вопрос.

Есть, для кого пожить ещё сто лет,
Кому писать стихи и песни – тоже.
Поэтому докажем молодёжи,
Что главный наш сонет пока не спет.

Рубиновая свадьба

Календарь отсчитал годовщину,
Сорок раз он рубеж пересёк.
Посмотри, как сверкает рубином
Этот скромный апрельский денёк.

Припев:

Как будто вчера был наш марш Мендельсона,
И ЗАГСa кураж, и Святая Икона,
Года летели стаей, мы жили, не считая.
Но в хаосе событий зажётся огонёк.

Сорок лет – это важная дата,
А не просто отмеренный срок.
Есть сынок, есть и братья-внучата,
Родовой обеспечен виток.

Припев

Пусть бегут день за днём вереницей,
Мы поддержим любви камелёк.
Юбилей золотой будет сниться,
Благо – срок до него недалёк.

Припев

Скучно!

По склону жизни снежным комом
Года летят.

Ничто не ново, всё знакомо

Сто лет назад.

Январский снег кружится плавно,

Как в айс-ревю.

Такой же вальс совсем недавно...

Да, дежавю.

Промозглым ветром вдруг подуло.

Февраль... опять!

А мне от скуки сводит скулы

И тянет спать.

Промчит весна, как скорый поезд,

Пойди, поймай!

Лишь только год добавит в возраст

Привычно май.

Июнь, июль... в часах песочных

Гора песка.

Я это видел, помню точно.

И вновь тоска.

А за июлем будет август,
Цепной процесс...
Как говорил когда-то Фауст:
– Мне скучно, бес!

Вернул сентябрь сезон осенний
И дождь с утра.
Какое ж, к чёрту, настроенье?!
Опять хандра.

Пришел октябрь, раскрасив листья,
Что твой павлин.
А в голове всё те же мысли,
Всё тот же сплин.

Ещё два месяца дремоты,
Зевотных мук,
И Новый Год стучит в ворота —
Знакомый стук.

Он к нам примчался в вихре снежном
Под бубенцы.
Такой же «новый», как и прежний,
Как близнецы.

И память о минувшем годе —
Лишь боль в висках.
Снежинки в вальсе хороводят,
Январь, тоска.

Следующий – ты...

Живешь, кружась в извечном хороводе,
Забыв о главном в шорах суеты.
И лишь когда родители уходят,
Вдруг понимаешь: следующий – ты!

Ты уже не придёшь...

Ты уже не придёшь. В этот мир не бывает возврата.
Не обнимешь меня и не скажешь мне: «Здравствуй, сы-
нок!»

И напрасно верчу вечерами я диск аппарата.
До тебя не дойдёт никогда телефонный звонок.

Ты уже не придёшь. И я больше тебя не увижу.
Только снимки в альбоме, да фото на белой стене.
Лишь теперь осознал – для меня в жизни не было ближе
Человека, чем ты. Появляйся хотя бы во сне.

Ты уже не придёшь. И сейчас я жалею о многом.
Почему для тебя не слагал я при жизни стихи?
Дорогая моя, умоляю – прости, ради Бога!
Помолись за меня, отпусти, если можешь, грехи.

Ты уже не придёшь. Это горе ничем не исправить.
Боль утраты со временем стихнет, но в сердце моём
Будет жить о тебе, мама, светлая вечная память,
И сыновья любовь пламенеть негасимым огнём.

Я остаюсь...

Давно я житель городской,
Привык к столичному комфорту,
И «прелесть» дачи под Москвой
Во мне рождает отклик «К чёрту!»

Но по ночам моя душа
Летит из каменной высотки
Туда, где шорох камыша
И аромат рыбацкой лодки.

Где в речке чистая вода,
Где утром тихие рассветы
И где асфальтом никогда
Дороги не были одеты.

Где в пышной зелени садов
Белеют мазаные хаты,
Где по полям среди цветов
Мальчишкой бегал я когда-то.

И как же хочется порой
От всех забот в купе закрыться
И укатить в тот край родной,
Чтоб снова в детстве очутиться.

Но это, право, не всерьёз,
А просто так, души стремленье.
Я ж знаю – город там подрос
На месте старого селенья.

Да, дважды в реку не войти,
Законы строги в этом мире.
Закрыты в прошлое пути...
Я остаюсь в своей квартире.

БЕСКОНЕЧНО ЛЮБИМАЯ РУСЬ

А ведь раньше он звался «брат»

Снова крепом обшит экран,
Снова прибыл двухсотый груз.
Не из дальних, заморских стран,
А оттуда, где был Союз.
Объясните мне, как же так,
Разве нету пути назад?
Славянин славянину – враг?
А ведь раньше он звался «брат».

И с чего мой старинный кум
Серым волком рычит теперь?
То ль ему проскоблили ум,
То ли мне, ты поди, проверь.
Грел нас общий вчера очаг,
Четверть водки, да сала шмат.
Славянин славянину – враг?
А ведь раньше он звался «брат».

Кем сигнал был для бойни дан?
Я угадывать не берусь.
Снова крепом обшит экран,

Прибывает двухсотый груз.
К конфронтации сделан шаг,
В спорах довод лишь – автомат.
Славянин славянину – враг?
А ведь раньше он звался «брат».

Ариэль (1555 г.)

Примеров геройства российских полков
Отыщешь в истории тыщи.
Да в общем, чего нам ходить далеко?
Вот бой под селеньем Судбищи.

Кто помнит ту битву? Былые дела
В анналах землицы орловской.
Однако, по совести, сеча была
Едва ль не важней Куликовской.

Пошёл на Рассею Девлетка-Гирей
Из Крыма скрозь Дикое Поле,
За ним подтянулся и Дербыш-Алей,
Тыщ семьдесят, может поболе.

А что там у наших? Семь тысяч на круг
(С людьми и стрельцами, заметьте)
Боярских детей с казаками сам-друг
Мог выставить князь Шереметев.

Зато в нашем войске что вой – то герой,
Вот взять например, воеводы —
Плещеев и Зюзин, уж им не впервой
Вести боевые походы.

Два дня длилась битва на смерть, не живот,
Героем был каждый орловец.
Руками тогда разведя небосвод,
Спустился на речку Альховец

Всевышний Господь и на камень ступил,
Что высился слева над берегом.
Российское войско он благословил
И стал для славян оберегом.

И, бросив обозы, Девлет побежал,
Не выдержав русских ударов.
Не спас ни хвалёный татарский кинжал,
Ни грозный отряд янычаров.

Достались орловцам коней табуны,
И крымской казны изобилье,
А Господа нашего чудо-сыны
Их лучников саблями били.

Подбиты, подрезаны «крылья в бою»
Татарских летучих отрядов.
Не зря же стрельцы знают службу свою,
Стреляют из пушек, как надо.

Всё ширится крымских коней вороньё
Трепещет Девлеткино знамя,
Но князь Шереметев вскричал: «На копьё!
Ребята, победа за нами!»

И бились жестоко, клинки рвали плоть,
Две силы сражались наравне,
И только российскому войску Господь
Способствовал с Синего камня.

Проведал Гирей, что подмога близка,
Что Грозного рядом отряды,
Велел отводить из сраженья войска,
Всеместно трубить ретираду.

Прогнали татарского гостя отсель.
Героям – почтенье и слава!
Стоит на пороге Руси Ариэль,
Орловская, значит, застава.

Атака «мертвецов»

Полгода обстрелов, полгода осады
И рапорт готов – Обороне конец!
Вот только с концом торопиться не надо,
Стоит неприступный герой Осовец!

Опорная старая русская крепость,
Ничем не приметный внутри гарнизон,
И немцам казалось – подумать нелепо
О том, что бессмертным окажется он.

Палили без устали грозные «Берты»,
Упрямую крепость ровняли с землёй,
Но всё ж вопреки этой огненной смерти
Российский солдат оставался живой.

Снаряды тяжёлые сыпались градом,
Как масло пронзая метровую бронь,
Но только стихала на миг канонада,
Из крепости вёлся ответный огонь.

Защитники с немцем сражались, как черти,
От смога попутаны ночи и дни,
И в этом аду знаменитые «Берты»
Сумели, смогли покорёжить они.

И вот на позиции наших героев
Волна ядовитого газа ползёт.
Отравлено насмерть вокруг всё живое,
От хлора повсюду зелёный налёт.

Развеемо облако газа, и снова
Обстреляна крепость кинжальным огнём.
Противник уверенно, без останова
Направил отряды в пробитый проём.

Но этого фрицы, пожалуй, не ждали,
И смелость утратили враз храбрецы,
Когда из глубин обгоревших развалин
На них в контратаку пошли «мертвецы».

Полсотни героев в крови и ожогах,
А немцев семь тысяч – паршивый расклад.
Но наши солдаты с родного порога
Незванных гостей повернули назад.

Бежали противники, страхом объята,
Ну как воевать супротив «мертвеца»?!
А вслед им гремели снарядов раскаты
Оживших орудий со стен Осовца.

Бесконечно любимая Русь

Пыль вздымая над сонной долиной,
Свежий ветер играет в траве,
Машет крыльями клин журавлиный
Высоко-высоко в синеве.

В шапках золота лес белоствольный,
Сжатых нив беспредельная грусть,
Да малиновый звон колокольный...
Бесконечно любимая Русь!

Под белёсою дымкой тумана
Серой лентой струится река,
И плывущие вдаль караваном,
Отражаются в ней облака.

Чистый воздух родимой сторонки
Жадно пью, но никак не напьюсь.
Твои песни крылаты и звонки,
Бесконечно любимая Русь!

И повсюду такая истома,
Так легко и свободно дышать.
Только здесь я действительно дома,
Только здесь для меня благодать.

Осенённый покоем осенним,
Я стихами тебе помолюсь,
Дивный край, где родился Есенин,
Бесконечно любимая Русь!

Военкор

I

Я проклинаю день и час,
Когда, поддавшись уговорам
Коллег, на северный Кавказ
Решил поехать военкором.

Зачем я падох был на лесть?
Зачем я слушал комплименты?
Вообразил себя Бог весть
Каким крутым корреспондентом.

Я думал – будет, как в кино,
Атака, бой, чужие, наши,
Огонь и смерть... но все равно
Я уцелею в этой каше.

Потом представлю репортаж
«Война глазами очевидца».
Войдёт в бестселлеры тираж,
Где есть моя передовица.

Я стану очень знаменит
В кругу своих коллег, и скоро
Мне Президент в Кремле вручит
Звезду героя-военкора.

Но романтический запал
Пропал при первом же обстреле,
Когда я лично увидал,
Что значит «ад» на самом деле.

Над головой свистел свинец,
Земля от взрывов сотрясалась.
Казалось, что настал конец...
И оказалось, не казалось.

II

Воспоминаний круговерть —
Раненье, плен, побои, яма
И выбор: рабство или смерть...
Роди меня обратно, мама!

Два года ада – это срок!
Но чётко помню каждый день я.
Я выжил, вытерпел, я смог.
И вот он, миг освобожденья.

Скорей домой! Забыть позор!
Да только в жизни невоенной
Во снах я снова военкор,
Я снова ранен, снова пленный.

Был репортаж, что я писал,
Пропитан болью в каждом слове.

Но мне вернули материал,
Поверх две строчки цвета крови.

Ответ увидев, понял я,
Насколько «наша» наша пресса —
«Война закончилась. Статья
Не представляет интереса».

Вопросы

На стыках лет стучат колёса,
В разгоне двадцать первый век.
Приносит новые вопросы,
Войну и мир, любовь и слёзы,
Сюрпризы, драмы и курьёзы.
Готовь ответы, человек.

Мы так надеялись, ребята,
Рассветов ждали, но увы,
Пока в наличии закаты.
Какие силы виноваты,
Что брат войной идёт на брата
Под улюлюканье братвы?

Нам юбилей столетний ВОСРа
Отметить стоит или нет?
Ответьте, братия и сёстры,
Вопрос поставлен очень остро.
Смешались ангелы и монстры,
И мрак потерь, и свет побед.

Куда направить наши стопы?
Подсказку дайте кто-нибудь.
Плясать под музыку Европы?
Ей не друзья нужны, холопы.

Нестись за Азией галопом,
А может свой построить путь?

Как у верхушки нашей власти
Немного сбавить аппетит?
Они там все козырной масти,
Лишь олигархам светит счастье,
А в остальной народной массе
Всё больше ненависть кипит.

Куда ни глянь – одни вопросы,
Куда ни кинь – повсюду клин.
За перегибы, перекосы
Ответит кто, единороссы,
КПРФ, америкосы?
Названий много, хрен один.

Генерал Д. М. Карбышев

Потомственный военный
С дворянскими корнями,
Талантливый учёный,
Строитель, инженер.
Он вынес муки плена,
Не дрогнул пред врагами
И принял смерть героем,
Явив другим пример.

Майданек и Освенцим,
Допросы и мученья,
Тюремные подвалы
И снова лагеря.
Ах, как хотелось немцам
Сломить, склонить к измене
Седого генерала,
Да только всё зазря.

Хоть в битвы не вступал,
Но много испытал.
И жизнь и смерть запомнятся надолго.
Товарищ генерал,
Ты памятником стал
Бесстрашию и верности, и долгу.

Угрозы и елеи
Потрачены впустую,
Не вышло, не сумели
Преодолеть барьер.
«Я Родиной своею
И честью не торгую.
Служить вам не намерен,
Я – русский офицер».

Февраль, а он раздетый
У лагерной ограды,
И льёт холодным ливнем
На голову вода.
Полшага до Победы
И май, казалось, рядом...
А он шагнул из жизни
В бессмертье навсегда.

Прочнее, чем металл,
Ледовый пьедестал.
И жизнь и смерть запомнятся надолго.
Товарищ генерал,
Ты памятником стал
Бесстрашию и верности, и долгу.

Сверкает, как кристалл,
Ледовый пьедестал.
И жизнь и смерть запомнятся надолго.
Товарищ генерал,

Ты памятником стал
Бесстрашию и верности, и долгу.

Домой, обратно!

Смотрю туда, где в синеву
Уходит клин лебяжьей стаи.
И не во сне, а наяву
Я следом улетаю.
В край, где не властны холода,
Где стужа маловероятна,
Но по весне опять сюда
Вернусь домой, обратно.

Припев:

Пусть вдалеке, всегда тепло,
Там нет одежд, теплее блузки.
Зачем мы встали на крыло? —
Вам не понять того, коль Вы не русский.

Коль говорить по существу,
Люблю летать по белу свету.
Но всё равно, пока живу,
России лучше нету.
Иссякнут силы иногда,
Лечу на отдых, на попятный,
Но по весне опять сюда
Вернусь домой, обратно.

Припев

Мне говорят: Да ты – чудак!
Туда-сюда, зачем метаться?
У вас разор, у вас бардак,
Не проще ли остаться?
Прошу прощенья, господа,
Я вижу – вам не всё понятно,
Но по весне опять сюда
Вернусь домой, обратно.

Припев

Дорога в никуда

По дороге бесцельно бредём в никуда,
Позабыв про долги, про заботы сыновни.
День за днём пробегают недели, года,
А в конце нет ни Храма, ни ветхой часовни.

Не живём, существуем, не помня родства,
И не душу спасаем, а бречное тело.
Ну, а что после нас – не взойдёт трын-трава
Или хлынет потоп? Да какое нам дело?!

Загубив всё, что можно, и даже нельзя,
Называемся гордо «царями природы».
Временами враги, временами друзья...
Для чего мы нужны? Кто мы? Люди? Уроды?

В придорожной канаве оставивши Крест,
Мы бредём, хохоча и не ведая срама,
Налегке уходя от насиженных мест.
А в конце ни часовни, ни церкви, ни Храма.

Идите с миром!

Зачем так грубо?
Умерьте вопли,
Что мол в России всех зомбировали скопом.
Скатайте губы,
Утрите сопли.
Уж коль нас жизни поучать, то не Европам.

А чем вы лучше?
А чем вы круче?
Товаров больше, но мораль – не дай нам Боже!
Промойте уши,
Мы вас научим,
Что честь и долг бывают золота дороже.

Пусть денег мало,
Полубосые,
Не признаём чужих хозяев ли, владык ли.
Мы – не вассалы,
Нет, мы – Россия,
И оставлять своих в беде мы не привыкли.

На нашем счёте
Видны проблемы.
Мы их решим, хоть палки ставите в колёса.
Вы нос суёте

В чужие темы.

Идите с миром или есть ещё вопросы?

Танцуйте вальсы,

Фокстроты, сальсы,

А может кантри или что там любо Штатам?

Давить приказом

На нас напрасно,

Мы, к счастью, помним о Победе в сорок пятом.

Совет хороший

Даём соседям:

Сейчас зимой чуток прохладней, чем в июле.

Поосторожней,

У нас медведи

Ещё в своих берлогах крепко не заснули.

Караван

«Вы в России умом небогаты,
Не пример вам Европа и Штаты,
И правитель у вас идиот.
Мы поставим вас всех на колени,» —
Говорила нам рыжая Дженни,
Только вот, караван-то идёт.

Миллиардные баксозатраты,
Очень хочется, видимо, НАТО
Замутить постсоветский народ.
Революций цветные майданы,
Всё включили – и макро, и нано...
Только вот, караван-то идёт.

И в конфликтах от зюйда до норда
Виновата российская морда,
Льют на нас по указке помёт.
Не взирая на факты, упрямо
Пальцем тычет в Россию Обама,
Только вот, караван-то идёт.

Столько санкций! Другим бы хватило
На свою и чужую могилу,
Но для русских – всегда недолёт.
Мы чисты, как бутылки в авоське.

Пусть визжат зарубежные моськи,
Только вот, караван-то идёт.

Мария Гамильтон

С утра на площадь у собора
Толпа валит со всех сторон.
Сегодня здесь казнят не вора —
Саму Марию Гамильтон!

«Ох, верно бают: бабы – дуры!» —
Судачит важно праздный люд,
«На плаху тайные амуры
И фаворитку приведут.

Чего ей в жизни не хватало?!
Ведь не простого мужика,
Петра Алексеича сменяла
На прощелыгу-денщика.

Она, бесстыдница такая,
Любовь царя втоптала в грязь!
И сладострастью потакая,
Орлову Ваньке отдалась.

И поделом заморской твари!
И для других – урок живой!
Не ценишь ласку государя,
Так распрощайся с головой!»

Но вот, затихли разговоры,
Застыло море из голов...
Мария вышла из собора
Под перезвон колоколов.

Её наряд снегов белее,
На казнь оделась, как на бал.
Такой её на ассамблее
Царь Пётр когда-то повстречал.

Идёт подобно королеве,
И царь ей руку подаёт,
Чтобы помочь опальной деве
Взойти на чёрный эшафот.

Она в почтительном поклоне
Перед царём склонилась ниц,
Но вылетали стрелы молний
Из-под опущенных ресниц.

Вот так же год назад Мария
Присела в низкий реверанс,
Когда Петром была впервые
Приглашена на контраданс.

И он в порыве благородном
(Подвластны чувствам и цари)
Сказал: «Мария, ты – свободна,
Лишь поцелуй мне подари!»

«Уж лучше смерть, чем жизнь с немилым!» —
Услышал он её ответ,
«Убить приказом – Вам по силам,
А полюбить заставить – нет!

Я целовать Вас, Питер, боле
И не могу, и не хочу.
Себя вверяю Божьей воле...»
И повернулась к палачу.

Сверкнул топор в руках умелых,
И ахнул в ужасе народ,
И обезглавленное тело
Залило кровью эшафот.

И при всеобщем изумленьи
Царь нежно голову поднял
И в знак прощанья и прощенья
В уста её поцеловал.

На пороге третьей мировой

В тёмно-красном мареве – тумане
Злой вороний грай да волчий вой.
Постоим, помолимся, славяне,
На пороге третьей мировой.

Слышится тревожный звон набата,
Провалился в пропасть дружбы мост,
Снова точит ножик брат на брата,
Клятвы и обеты – псу под хвост.

Европа с штатами нас кроют матами,
Раззявив рты на жирный каравай.
Уже три месяца ждут, что мы сцепимся,
Такой спектакль! Смотри, не прозевай!

Столько лет делили хлеб и сало,
Били вместе немцев на «ура!»
Но другое времечко настало,
Неужель друг друга бить пора?

Видно, европейские соседи
Подзабыли сорок пятый год.
Не будите русского медведя,
Он же вас на клочья разорвёт!

Европа с штатами нас кроют матами,
Раззявив рты на жирный каравай.
Уже три месяца ждут, что мы сцепимся,
Такой спектакль! Смотри, не прозевай!

Нам, славянам, в общем, дела нету
До врага чужого. Рядом – свой.
Кстати, не забудьте, этим летом
Годовщина первой мировой.

Словосочетание по сути
Странно: «мировая» и «война»,
Но вдаваться в тонкости не будем.
Мир – война, выходит суть одна.

Европа с штатами нас кроют матами,
Раззявив рты на жирный каравай.
Уже три месяца ждут, что мы сцепимся,
Такой спектакль! Смотри, не прозевай!

Иступлённо западные страны
Жаждут Киев-град сравнить с Москвой
И готовят почву, чтоб славяне
Встретились на третьей мировой.

Ну, а может, сделать остановку
(Рубикон пока не перейдён),
Автомат, дубинку и винтовку
Отложить до будущих времён?

Европа с штатами нас кроют матами,
Визгливый хор шакалов и гиен.
Ждут крови бестии. Так скажем вместе им —
А ну-ка ша, ребята, вот вам хрен!

Европа с штатами нас кроют матами,
Но время есть ещё сменить рефрен.
Ждут крови бестии. Так скажем вместе им —
А ну-ка ша, ребята, вот вам хрен!

Не хватало...

Старый «Ярь», ой да ноченька блудная,
Полупьяные шли по проспекту мы.
Напевали «Шмеля» да «Да ну-да на»,
Не хватало красавиц с каретами.

Не хватало жандармов с «селедками»,
В чистых фартуках с бляхами дворников,
Юных франтов под ручку с кокотками
И свистящих им вслед беспризорников.

Не хватало нам дам с кринолинами,
Гимназистов в шинелях с фуражками,
Продавцов с пирогами, ландринами,
Монастырских покоев с монашками.

Ямщиков не хватало на площади
И старушек, «торгующих семечки»,
Казака на караковой лошади...
Ох, верните ушедшее времечко...

Нищий

«Подайте ж милостыню ей...»

Д. Ленский «Нищая»

Мороз трещит, и ветер свищет,
И колкий снег в лицо летит,
А у метро бездомный нищий
С рукой протянутой стоит...
И весь от холода синея,
Склонивши голову на грудь,
Стоит он, глаз поднять не смея...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

А ведь давно (еще в Союзе)
Был нищий доктором наук,
Преподавал в престижном вузе,
И был известен всем вокруг.
Лихие годы перестройки
Смогли судьбу перевернуть —
Теперь живет он на помойке...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Он в годы прежние, бывало,
Науку двигал «на ура!»
Писал в солидные журналы
Статьи по физике ядра.

Казалось, счастье – на пороге,
Лишь стоит руку протянуть.
Он протянул ее в итоге...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Реформа младшего Гайдара
Украла все его рубли,
Ну а валюту съела «Чара»,
И он остался на мели.
За крохи нищенской зарплаты
Он продолжал научный путь,
Но сократили в вузе штаты...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Он был любим и популярен,
И в институте говорят,
Что на последнем семинаре
Катились слезы у ребят.
Но указанье поступило
Его на пенсию спихнуть.
Страна ученого забыла...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Он отражал судьбы удары,
Сдаваться просто не желал,
Возил из Турции товары
И их на рынке продавал.
Скопил немного капитала
И смог свободнее вздохнуть,

Но в «черный вторник» все пропало...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Он рюмку водки выпил с горя,
Полез за руль, и вот, эксцесс —
Его «Москвич» на светофоре
Врубился в новый «Мерседес».
Сломал ребро себе в придачу,
И чтоб долги потом вернуть,
Квартиру продал он и дачу...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Старик, в отчаянной надежде
Вложил все деньги в ГКО,
Но государство, как и прежде,
Ни с чем оставило его.
Вот так одним неверным ходом
Возможно сразу зачеркнуть,
Все, что сумел собрать за годы...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Теперь бездомный, безработный
Стоит с протянутой рукой
Больной, несчастный и голодный,
И на людей глядит с тоской.
Вы не смотрите с укоризной,
Вас тоже могут обмануть.
Судьба – коварна и капризна...
Подайте ж, люди, что-нибудь!

Обращение Президента

Мы живём в кругу врагов,
Каждый нас сожрать готов.
Это правда, а не мнительность.
Чтобы не было войны,
Мы должны внутри страны
Повышать производительность.

Припев:

Времени, граждане,
Нет на раскачку у нас,
Дорог нам, важен нам
Щас каждый час.

Очень скоро наш народ
Лучше прочих заживёт —
Дам вам слово Президента я.
И сказать сегодня рад:
Повышение зарплат
Есть задача перманентная.

Припев

Чтобы дружно всей страной
Слезть с иголки нефтяной,
Основал я город Сколково.

Там развитие наук
Обещал наш рыжий друг,
Но пока не виден толк с него.

Припев

Вот проблемы ПФР
Мы решили, например.
В этом повод есть для гордости.
Не получится опять
Людам пенсии поднять,
Но повесить можно возрасты.

Припев

Как и много лет назад,
Про финансовый расклад
Доложу вам по традиции:
Нужно в Сирию вливать
(У самих-то всё на «ять»),
Нету лучше инвестиции.

Припев

Тем, кто снял с ушей лапшу,
Дам совет и подскажу
От души, не ради корысти,
За границей снять жильё,
Как российское жульё.

Пригодится может вскорости.

Припев:

Времени, граждане,
Нет на раскачку у вас,
Дорог вам, важен вам
Щас каждый час.

Отрывок из письма брянскому другу (подражание И. Бродскому)

Здравствуй, Постум! В третьем Риме всё спокойно,
Мы не лезем за кордон. Не наше дело.
Не нужны нам эти ядерные войны,
Хоть рука уже на кнопке занемела.

Про Тавриду – как отдали, так и взяли.
Чай, не в корм коню подобные презенты.
А другие регионы? Нет, едва ли,
Не агрессоры же мы, не интервенты.

Ну, по жизни у меня не так всё просто,
Умудрился потерять недавно друга.
Нет, не умер, жив-здоров, да что ты, Постум?
Просто друг мой оказался сволочуга...

Лишь вчера мы поднимали с ним фиалы,
Приглашал меня к себе с супругой в гости,
А сегодня он готов с кем ни попало
Перемыть мои стареющие кости.

Оказалось, он не нашенского класса,
И похоже, из плебеев. Не патриций.
Даже раб, цена которому два асса,

Не посмеет так прилюдно материться.

Узы дружеские спали, как короста,
Стал врагом внезапно, это ли не чудо!?
Я не жалуясь тебе, да что ты, Постум.
Просто есть определение – Иуда.

Это точно про него, да ты же в курсе.
Он не только мне нагадил перед дверью.
Вот «друзья» такие, господи Иисусе,
Убивают напрочь братское доверье.

Гадость сделает, причём не будет стыдно,
Разбахвалится пред кодлою своею.
Это, Постум, как библейская ехидна.
Средство верное одно – петля на шею.

Как советуют – собаку на гиляку!
Вот и я о том – о нём верёвка плачет.
Ну, дойдёт черёд когда-нибудь, однако.
А пока что пусть с бандерами поскачет.

Всё, пора уже заканчивать посланье
И решать дела с проблемами своими.
До свиданья, милый Постум, до свиданья.
Жду, когда тебя увижу в третьем Риме.

Палитра

Желтое солнце. Черное море.
Капли росы на холодном затворе.
Черное море. Желтое солнце.
Солнечный зайчик в прицел, как в оконце.

Белая пена. Синие волны.
А магазины патронами полны.
Синие волны. Белая пена.
Как паутинка повисла антенна.

Алые маки. Зелень на склонах.
Места хватило б для звезд на погонах.
Зелень на склонах. Алые маки.
Сколько осталось еще до атаки?

Серые плиты. Рыжая глина.
Мама, прости непутового сына.
Рыжая глина. Серые плиты.
Все будет красною кровью полито.

Красок палитра. Яркий букет...
Нет, погибать мне сегодня – не «в цвет».

Песни 60-х

Сижу подчас и вспоминаю,
Что пелось сорок лет назад?
Высоцкий, «Beatles» и Магомаев —
Пожалуй, весь триумvirат.

Конечно, были Окуджава,
Кобзон и Пьеха, и Дин Рид,
И Адамо, но всё же славой
Кто тройку верхнюю затмит?

О «Rolling Stones» не забыли?
А как не вспомнить, наконец,
Людмилу Зыкину и Хиля,
И ту же Ольгу Воронец?

Гуляев, Мондрус, Юрий Визбор...
Их песни в памяти храним.
Однако сердцем сделан выбор —
Битлы, Высоцкий и Муслим.

Почему всё не так?

«Почему всё не так?»

В. Высоцкий «Он не вернулся из боя»

Почему всё не так? Вроде, мы не глупей,
Кое в чём и талантливей многих.
А откуда бардак? Не пойму, хоть убей!
Почему «дураки и дороги»?

Ой ты, гой еси! Пресвятая Русь!
Сохрани-спаси, за тебя молюсь.
Просыпайся, мать, помни главное —
Постарайся стать мудрым равною.

Мы ленивее? Нет! Креативнее? Да!
И природных ресурсов – навалом.
Ну, так дайте ответ, почему же тогда
Отстаём и в великом, и в малом?

Ох, японский Бог! Пресвятая Русь!
Слышишь – смех умолк, видишь – всюду грусть.
Были силы, мощь, да проехали.
Не парчой сверкнёшь, так прорехами.

Я сейчас не хочу обсуждать ВПК,
И в ракетах мы тоже не лохи.

Только горько смотреть, как у нас старикам
Выделяются жалкие крохи.

Ох ты, ёшкин кот! Пресвятая Русь!
То души полёт, то хмельная гнусь.
Воспаришь, потом в пропасть пропадом.
Не тебе закон писан Господом.

Почему в нашей Богом забытой стране
Ветераны живут, как изгои,
И на праздник из стран, побеждённых в войне,
Получают подачки порою?

Ох ты, мать твою! Пресвятая Русь!
Я не ем, не сплю, над загадкой бьюсь.
Но проходят дни, результата нет.
На ушко шепни, подскажи ответ.

Проклятие Марины

Два Лжедмитрия шли на столицу войной,
Примеряя царёву личину.
Называли при этом законной женой
Ясноокою пани Марину.

Но и смутному времени срок подошёл,
Разогнали врагов-басурманов.
И на Земском соборе на русский престол
Был посажен Михайло Романов.

И жестокий указ тут же выпустил он,
С головы не утёрши еляя, —
Всех других претендентов на царственный трон
Лютой смертью казнить, не жалея.

Словно смерч над Москвою кровавый прошёл,
Снова вспомнили люди о страхе.
Этот брошен в костёр, тот посажен на кол,
Покатилися головы с плахи.

Сын Марины был трёх с половиною лет,
Словно ангел, красив и безгрешен.
Только страшному царскому слову вослед
Был он схвачен и вскоре повешен.

«Ну, так будь же ты проклят, Романовский род,
На три века!» – вскричала Марина —
«И последний из рода на плахе умрёт
За невинно убитого сына!»»

Триста лет пролетело средь войн и балов,
В хороводе страстей и страстишек.
И упали короны с державных голов...
Так сбылось предсказание Мнишек.

Равнение на подвиг

Кавказ и Приднестровье,
Сирийская пустыня,
Афганистан, Карпаты и Донбасс
Солдат политы кровью,
Немеркнувшей святыней,
Кто отдал жизнь за Родину, за нас.
Бессмертный полк шагает
По улицам планеты,
Да, у войны не детское лицо.
И матери, как знамя,
Несут детей портреты,
А дети фотографии отцов.

Ушедшие герои
Сегодня снова с нами,
Плечо к плечу в одном большом строю.
Равнение на подвиг,
Равнение на память,
На доблесть тех, кто честно пал в бою!

А на портретах парни
Такие молодые.
Не обсуждая Родины приказ,
Безвременно, до срока,
Погибли за Россию,

Они сложили головы за нас.
Торжественно шагает
Бескрайняя колонна
Вокруг цветы, куда ни кинешь глаз.
Ребята, мы вас помним
Навечно, поимённо,
Кто отдал жизнь за Родину, за нас.

Придётся – снова встанем
Стеною за державу,
Мы прошлого храним святую весть.
Равнение на подвиг,
Равнение на славу,
Равнение на мужество и честь!

Раздружье

Раз без повода, без поруг,
Обманул тебя лучший друг,
Ты начальный забудь испуг,
Гибким будь, как лоза.
Значит парень в твоей борьбе
Был не другом отнюдь тебе.
И «спасибо» скажи судьбе,
Что открыла глаза.

Ты же чем-то одним был с ним,
Даже братом считал своим,
Только «чей полуостров Крым?» —
Оказалось важней.
По равнине прополз овраг,
И теперь ты – заклятый враг,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.